

Зульфия Ибрагимова

Овладение человеком своей природой как возможность выбора

Вероятно, в современном гуманитарном знании проблема выбора раскрывается наиболее объемно и полномерно в условиях междисциплинарного подхода, когда категория «выбора» обогащает свою абстрактную опрделенность различными смыслами характеристиками. Но предметом настоящего краткого изложения является собственно философский контекст понимания выбора — то, как он реализует себя в пространстве других философских проблем. Философские составляющие проблемы выбора — это бесконечная палитра смыслов. Проблема выбора существует в плотном и напряженном ментальном поле, где одновременно сосуществуют поиск смысла существования, свободы, реализация воли, истины, этически оправданных представлений, бытийственных форм и т.д.

Недвусмысленность, а подчас и безапелляционность выбора заставляет нас быть предельно категоричными (то есть ясными), точными, истинными, реальными и т.д. Выбор необходим по большей части в условиях, абсолютно невозможных, противоречивых, абсурдных, когда бессмысленно задаваться вопросом о его правильности. Сам выбор продиктован рациональными или иррациональными (чувства, интуиция) основаниями и всегда мыслился в философии как возможный положительный исход любого тупика: мыслительного и практического. Время — едва ли не самый убедительный аргумент в нашем вопросе. Правильность выбора как минимум амбивалентна: с одинаковым успехом она может иметь значение как практического, актуального, судьбоносного аргумента, так и вневременного, метафизического обоснования.

Но выбор не оставляет «права выбора» лишь одного из условий — времени. Он совершается, обозначается, проецируется в индивидуальное и социальное пространство в ситуации единства времени и пространства. Этот хронотоп обладает удивительной пластичностью. Мы понимаем, что определенный выбор абсолютно выверен и, как некая метафизическая цель, уместен лишь в определенный отрезок исторического времени. Пусть это выбор — «не в свое время», но он может быть оправдан логически, нравственно и т.д. Он соответствует этому историческому месту, но не времени.

Непреходящий характер проблемы выбора можно сравнить, пожалуй, с тотальностью, всевременностью человеческого одиночества. Эта шемная душу, пронзительная истина была замечена достаточно давно древ-

ними. Возможно, у Сенеки Луция Аннея в знаменитых «Нравственных письмах к Луцилию» она приобретает доведенную до предела трагичность. Вопрос даже не в том, насколько страшна смерть: одиночество — вот испытание, длящееся всю жизнь... Все проникнуто одиночеством: рождение, сама бременная жизнь и, уж тем более, уход из жизни. Принять объяснение, заключающееся в смирении, следовании высшим законам, почти аполлоническом восприятии всех страданий, удается не всякому. Но ведь и в этой мужественной встрече с бездной одиночества уже есть выбор, исток будущего шопенгауэровского принципа индивидуации.

Таким образом, все аспекты проблемы (теоретического противоречия) актуализируются с учетом многих обстоятельств. Четыре аспекта проблемы выбора, на наш взгляд, носят фундаментальный характер: онтологический, гносеологический, интенциональный и этический. *Бытийственный* выбора связан с выражением, маркером, обозначением, идентификацией реальных запросов человека, когда иллюзия перестает быть эфемерной конструкцией и требует своего реального разрешения в виде поступка, действия, слова и т.д. Осуществление выбора это завершение всех возможных индивидуальных и социальных предпосылок. Онтологическая нагруженность выбора совсем неслучайна, она обусловлена трудностью, невозможностью подчас постигнуть бытие, которое, по словам М. Хайдеггера с самого начала отвернулось от субъекта.

Гносеологический аспект отчасти уже был затронут выше. Выбор, несомненно, имеет право на существование, если обозначается его формально-логическая предпосылка. Истина — вот предмет всех духовных усилий человека. В этом смысле истина непременно требует однозначности, непротиворечивости, абсолютности. Парадокс в том, что не существует в реальности такого замечательного расклада вещей. Обратной стороной этой истины выступает неясное знание. Такой выбор трудно назвать вехой в жизни человека, моментом его становления, «исполнения в качестве человека». В этом — непостижимая загадка замечательных исходов личностного и социального выбора. В. Франкл пишет, что «смысл — это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда «требование момента», которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку. И как повторима каждая отдельная ситуация, так же уникален и каждый отдельный человек» [10, с. 165].

Интенциональный аспект выбора связан с вектором направления в реализации почти всегда трудного пути, решения. Направленность субъекта на предмет, точнее, на идеальный предмет связана с переживанием. Но в феноменологическом ракурсе Э. Гуссерля сознание субъекта направлено на сам «идеальный» предмет, прежде всего. Направленность сознания на поиск смысла предмета, их дифференциацию наполняет, «достраи-

ет» саму структуру сознания. В. Франкл определил категорию «смысла» как базовую, и, полемизируя с представлениями о более распространенной «глубинной психологии», приводит аргумент следующего содержания: «каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Где же, однако, «вершинная психология», включающая в поле своего зрения стремление к смыслу? Во всяком случае, от стремления к смыслу нельзя отмахнуться, как от простого хотения, смиренного пожелания» [там же, с. 27]. В нашем анализе обнаружение подобного смысла идентично принятию решения, осуществления выбора, который можно соотносить с вехой в жизни человека.

Этический аспект проблемы выбора базируется на античном понимании добродетели («арете») и Блага («фронесис»). Эволюция представлений Сократа, Платона, Аристотеля может быть понята как движение от понимания добродетели как весьма важного в жизни человека определения, не лишнего, однако, противоречивости, неустойчивости, к средневековой констатации существования добра и зла, греха. Вопрос о том, свободен ли человек при этом, не снимается. Для средневекового человека одинаково открыта возможность как добра, так и зла. Но здесь есть такая глобальная защищенность человека в вопросах выбора, поскольку добро изначально предопределено Божьим даром [9]. Это не отсутствие свободы выбора, а, скорее, противостояние хаосу и духовному разладу человека, осуществляющего выбор.

Нововременное и современное (XX век) понимание проблемы выбора связано с мощным гуманистическим пафосом. По крайней мере, экзистенциальная версия человека как «незавершенного проекта» (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр), ищущего совершенства, склоняющегося все-таки к выбору добра, стала бы вряд ли возможной без тегелевского понимания свободы человека, делающего выбор и становящегося человеком. Христианская эпоха поставила с особенной остротой вопрос об ответственности человека за выбор. Безусловно, это его личный выбор, но он неявно, опосредованно может повлиять на бесконечное число линий сюжетов личной и мировой истории. Здесь смысловое, символическое наполнение жизни скрыто от глаз, иногда обнаруживая себя в тех или иных ликах культуры. Здесь очень важен вопрос о том, насколько человек осведомлен, насколько он в состоянии выработать личностные формы социокультурной идентификации.

В. Франкл настаивает на том, что смыслы не изобретаются, не создаются самим индивидом; их нужно искать и находить. Смыслы не даны нам, мы не можем выбрать себе смысл; в их нахождении человеку помогает совесть. Совесть В. Франкл определяет как «смысловой орган», как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся

в каждой ситуации. Совесть помогает человеку найти даже такой смысл, который может противоречить сложившимся ценностям, когда эти ценности уже не отвечают быстро изменяющимся ситуациям [10, с. 14, 296].

Наконец, мы подошли к важнейшему положению, обусловившему наш интерес к проблеме выбора. Речь идет об идеях Й. Хейзинга, изложенных в 1935 году в его работе «В тени застывшего дня». Задачи, стоящие перед культурой и историей, требуют осмысления, и автор их непомерную тяжесть. Остановимся лишь IV главе «Основные условия культуры», в которой обозначены три основных условия культуры, оказавшиеся трудновыми полными современному человечеству. Второе условие культуры, по Й. Хейзинга, заключается в том, что «культура предполагает освоение природы, господство над природой. Эта предпосылка, судя по всему, действительно реализована, притом в таких масштабах, которых доселе не знала ни одна из нам известных цивилизаций... Вещественная, материальная природа лежит повсюду в выкованных или сплетенных человеком узах. Но как обстоит дело с овладением человеческой природой?.. Овладение человеческой природой может значить лишь одно: человечество, которое владеет собой, лично каждый индивидум. Владеет ли собой современное человечество?.. (курсив мой. — З.И.) Не кажется ли нам скорее, что человеческая натура, пользуясь свободой, которую принесло ей господство над материальным миром, отказывается подчинить себе себя самое и отвергает все те завоевания духа, что казались ей превосходящими природу? От имени прав человеческой природы всюду ставится под сомнение обязывающий авторитет универсального нравственного закона. Такое предварительное условие культуры, как подчинение природы, господство над природой, выполнено лишь наполовину» [13].

Судя по всему, это проблема поставлена Й. Хейзинга с определенной долей оптимизма в отношении рационализма, настаивающего на власти субъекта над объектом. Или из чувства чудовищного противоречия, разлада, связанного с невозможностью господства над природой (библейская версия говорит об отрицании самого человека от Бога). Кстати, свою уязвимость, трагическую ограниченность несовершенство, туловище, неустановленность, незавершенность (Ф. Ницше и др.) человек понял от носительно недавно. Постмодернизм не укрепил веру человека в себя, в неизбежность человеческих ценностей. Напротив, он расшатал до основания все то, что составляло предмет оптимизма человека в отношении своей природы. Но очередной парадокс заключается в том, что это не убавило духовной крепости человека. При внешней ущербности своего бытия, бессилия, человек не намерен признавать окончание борьбы за власть над собой. Вектор равнодействия неизменно находится между двумя, по мысли М.А. Лифшица, полюсами: блага и зла. Но тенденция

движения к благу оказывается неизменно более выраженной [4]. Правда, у В. Франкла мы находим другую оценку ситуации: на самом деле на свете человеческих людей всегда бывает меньше. Свобода может пониматься и как самостождественность, а не преодоление своей несвободы. Сенека Луций Анней в «Нравственных письмах к Луцилию» замечает, что свобода заключается в том, чтобы принадлежать себе. «Предав себя друзьям, я не покидаю себя самого» [8].

Власть над своей природой, с одной стороны, создает движение человеческой воли осуществлять выбор, который человеку всегда кажется неминуемо важным и судьбоносным. С другой стороны, власть эта открывает перед человеком еще более непонятную и непредсказуемую Вселенную, где он согласился отвечать, по крайней мере, за свои деяния. «Каждый момент содержит в себе тысячи возможностей, но мы можем выбрать только одну из них; тем самым все остальные возможности отвергаются, обрекаются на небытие, и это тоже навечно» [10, с. 165]. Сравним только с чувствами Сизифа, несущего свою тяжелую ношу в гору и испытывающего краткие минуты счастья, замечая красоту долины.

Думается, вопрос об овладении человеком своей природой поставлен Й. Хейзинга очень своевременно. Титанические усилия отдельных личностей в истории напоминают движение в «вязкой» повседневности человеческого существования. Причиной тому нереализуемость базовых гуманистических ценностей большинством людей. Не случайно Э. Фромм задавался вопросом: «почему для одних свобода — это заветная цель, а для других угроза?» [11].

Вывод из приведенных соображений можно видеть в необходимости обращения к гуманизму и его ценностям. Э. Фромм оставил проблему подчинения «интерпретированным авторитетам, таким, как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения?» [12] для свободного человека. Одно понятно: все, что было связано с «насиленным» овладением природой человека, не принесло желаемых социальных достижений и взлетов. Только гуманистически ориентированное овладение человеческой природой представляется необходимым, несмотря на все неудачи, имевшие место в истории, несмотря на провалы и откаты, и, надеемся, возможным.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. IV. М., 1959.
2. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1. М.: «Искусство», 1968.
3. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 2 / Пер. с нем. М.Н. Богвинника. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 1997.

4. Лифшиц М.А. Очерки русской культуры (Из неизданного). М.: Наследие, 1995.
5. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии. URL: <http://www.twirpx.com/file/301101/> (дата обращения: 29.06.2015).
6. Ортега-и-Гассет Х. Лекция I. URL: http://rutmagic.com/ru_zag/sci_philosophy/ortega-i-gasset/5/ (дата обращения: 29.06.2015).
7. Павлов П.В. М. Лифшиц. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005.
8. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. Письмо LXII. URL: <http://bookz.ru/authors/seneca-lucii-annei/seneca/page-12-seneca.html> (дата обращения: 18.09.2015).
9. Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1996 (дата обращения: 29.06.2015).
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева, вст. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Глава 1. Свобода — психологическая проблема? URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fromm/Beg1.php (дата обращения: 18.09.2015).
12. Фромм Э. Бегство от свободы. URL: <http://profilib.com/chtenie/67096/erikh-fromm-begstvo-ot-svobody-2.php> (дата обращения: 18.09.2015).
13. Хейзинга Х. В тени заглавного дня. IV. Основные условия культуры. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/352328/slug/v-teni-zavtrashnego-dnya> (дата обращения: 29.06.2015).